
Марианна Красовская
Змеиного царевича невеста

Марианна Красовская

Змеиного царевича невеста

Серия «Явь и Навь», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69844075
SelfPub; 2025

Аннотация

Я жил как в сказке: учился, покуривал мох тайком от родителей, целовался с красотками нагинями с факультета травоведения и мечтал стать великим охотником за тьмой. А потом на мою голову свалилась она – невеста! Да не простая, а двуногая, да еще с артефактом истинности, украденным из нашей семьи давным-давно. Родители говорят – придётся жениться. Артефакт ее признал, она – моя пара.

Да что б я в болоте утонул! Я ж наг из некогда царского рода! Какая в хвост пара, кто вообще сейчас в это верит? А девка оценила обстановку, посчитала наши богатства и уходить отказывается. Говорит, «Ваня, я ваша навеки». Чокнутая какая-то, я ж не Ваня, я Зубослав!

Содержание

Глава 1. Зубослав 4
Глава 2. Змеиная свадьба и сумасшедшая бабка 10
Глава 3. Навь и Явь 20
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Марианна Красовская
Змеиного царевича невеста

Глава 1. Зубослав

Я жил как в сказке: учеба, друзья, семья. Покуривал мох тайком от родителей, целовался с красотками нагинями с факультета травоведения, мечтал стать великим охотником за тьмой, как мой прадед, Душегуб Полозов. А потом на мою голову свалилась она – невеста! Да не простая, а двуногая, в смысле, человечка. Людинка. Самка человека, короче. С артефактом истинности, украденным из нашей семьи давным-давно. Родители говорят – придётся жениться. Артефакт ее признал, она – моя пара.

Да что б я в болоте утонул! Я ж наг из некогда царского рода! Какая в хвост пара, кто вообще сейчас в это верит? А девка оценила обстановку, посчитала наши богатства и уходить отказывается. Говорит, «Ваня, я ваша навеки». Чокнутая какая-то, я ж не Ваня, я Зубослав!

Но обо всем по порядку.

Итак, я Зубослав Полозов – единственный и нежно любимый сын своих родителей. У меня шесть старших сестер, как вы понимаете – мама сыночка хотела. И поэтому я с детства змееныш подколодный, мамина волчья ягодка и тьма папи-

ных очей. Мне позволялось всё, вообще всё: и шляться по болотам от рассвета до заката, и плеваться ядом в сестер, и даже кусать свой хвост. Дед, Громохвост Душегубович, конечно, еще пытался меня как-то воспитывать, но куда там, я пару раз после его "разговоров по душам" сбежал в лес. Последний раз меня и вовсе с жабами три дня искали. А я еще пригрозил, что в следующий раз в Явь сбегу, наверх, если меня будут ругать. Ну и дед потом демонстративно моих выходок не замечал.

Потом, когда у меня не только хвост, но и мозг прорезался, мы помирились. И с тех пор он был единственным, кто вообще пытался ввести меня в оглобли.

Род Полозовых ведет свое начало от великих царей подземного мира, сиречь Нави – Полозов. Когда-то Навь считалась змеиным царством, но потом сверху, в Яви, начались гонения на наших, чудных существ. Навью завладели люди, а они, как известно, колдовскими навыками не владели, а потому отчаянно завидовали ведьмам и магам и старательно устраняли конкурентов.

Некоторые сумели с людьми ужиться, даже сработаться: тот же Кощей Бессмертный, к примеру. Ему и сверху хорошо жилось. Но у него две руки, две ноги и мозги в голове, очень похожей на человеческую. А как быть тем, у кого вместо ног – хвост? И я сейчас не о русалках. А тем, у кого копыта и козлиные хвосты? А рогатым? А алконостам и гамаюнам? Короче, нечисть решила, что Навь – она общая, и поперла

к нам косяками. Были локальные конфликты и передел влияния. В конце концов нагам пришлось смириться с новыми соседями.

Навью нынче правит совет нечистых. В него входят представитель нагов (мой папаша), парочка гномов, Верховная Кикимора, Главная Берегиня, Великий Упырь и Лихо одноглазое.

Вот, я иногда даже новости смотрю по блюдцевизору, оцените мою политическую позицию!

Несмотря на то что учился я, в общем-то, через пень-колоду, в университет меня взяли. Сказали: талант, силы, красота. Ну про красоту, может, и не говорили, но я ж себя в зеркале видел. Хоть куда: черные гладкие волосы с серебристой "семейной" прядью, зеленые, как болота, глаза, нос шикарный и все такое. А еще бицепсы, трицепсы, пресс… и хвост! Хвост особенно хорош – антрацитово-черный, сияющий, мускулистый, длинный, толстый. Девки заглядываются. Выбирай любую – все моими готовы стать.

Единственная проблема – отец пообещал мне хвост оторвать, если до окончания универа к нему придет хоть одна нагиня с яйцом. Сказал, что придется жениться, его политическая карьера не должна быть разрушена из-за какого-то охламона, не способного держать чешую закрытой. Жениться я лет до сорока не собираюсь, а лучше – до восьмидесяти, а значит, лучше воздержаться от случайных связей. Нагини – те еще змеюки. Колдовством голову закружат, на травку

уложат, а потом снесут яйцо мне на беду, и поди докажи, что ты не хотел.

Но я ж большой мальчик, я знаю всякие способы…

В универе даже веселее, чем раньше, в школе. Здесь у меня друзья, по дурости меня даже превосходящие. Ядик Серебряный, к примеру, да Гера Кобрец. Про нас троих еще долго будут легенды ходить, но ведь и сильнее нас на боевом факультете никого нет. К тому же мы если и пакостим, то не напоказ. У моего папаши карьера, у Ядика отца нет, но мамка – глава фармкорпорации. Гера из простых, но ему поэтому сложнее. Нас с Ядиком родители отмажут, а если его выпрут из университета – все, никуда больше не возьмут.

Но я увлекся, обещал же про человечку.

Так вот, она реально мне прямо на голову свалилась.

Мы с Герой и Ядиком курили мох за деревьями. Урок по боевке прошел продуктивно, учитель уполз в медпункт залечивать ожоги (Гера перестарался немного, ну что с него взять – дальний родственник Горынычей все же, огнедышащий), а нам было велено уйти с глаз и не показываться, пока не объявят, что с Ледомиром Белым все в порядке. Сам Ледомир, кстати, претензий не предъявлял, просто пообещал из Геры сделать фрикасе. Что это за штука, мы не знали, но слово красивое, звучное, иностранное. Надо будет в словаре поглядеть потом.

– Зуб, а ты Гремучку сегодня видел? Какая… Сиськи шикарные.

– Нет, не видел, – отмахнулся я, пуская губами кольца зеленого дыма. – Да не в моем вкусе она. Я светленьких люблю больше. И чтобы хвост длинный, тонкий.

– А мне Велироса Медная нравится, – мечтательно протянул Гера, забирая у меня косяк и попыхивая. – Но сами ж понимаете, к такой даже подходить смысла нет.

Мы покивали. Гера – обычный. Мелкий, смуглый, кудрявый. Из семьи индийских иммигрантов. Живет в общаге, работает, чтобы деньги на еду да на выпивку были. А Медные – они почти как Полозовы или Серебряные – аристократия.

– Погоди, Гера, – утешил я друга. – Зато ты Горынычу дальняя родня и вон как с огнем научился. Станешь еще известным охотником за тьмой, и Медные на брюхе приползут, будут уговаривать их Вельку в жены взять.

– Да когда еще это будет-то… – пробормотал Гера. – Сам подумай. Универ я окончу через три года. Потом на Границу рвану, там пять лет, чтобы опыт был. И вот потом уже можно в охотники идти. Сколько мне нужно там отработать до славы великой? Десять лет? Пятнадцать? А? А Велеросе уж сорок стукнет. Неужели она себе за столько времени мужа не найдет?

– Ну так свет на ней не сошелся, – утешил приятеля Ядик. – Девки никогда не кончатся, на наш век хватит.

– Это вам, синекровным, хватит. А нам, хвостам болотным, невесты с неба не падают, знаешь ли.

– Как будто нам падают, – начал было я, а потом услышал

истошный визг откуда-то сверху. Голову задрал и машинально создал воздушный полог – потому что то, что летело прямо мне на голову, выглядело не слишком мелким.

Ядик поддержал меня водяными плетьми, а Гера разумно спрятал ладони за спину и сжал зубы. Спалить вопящее и дергающееся существо, что бултыхалось в нашем воздушно-водном мешке, было просто, но, наверное, неразумно.

Уж лучше бы спалил, конечно!

– Ля какая змейка, – выдал Ядик, когда человечка, которую мы так опрометчиво поймали, встала сначала на четвереньки, потом на ноги. – Красивая.

Я пожал плечами: это Ядохвост у нас извращенец, готовый мутить с любой совместимой с нами расой. А я всегда предпочитал нагинь. Но вообще да, красивая. Худенькая, с торчащими розовыми волосами и кольцом в брови. Я таких никогда не видел.

– Ты кто, чудище? – развязно выдохнул Гера, нервно докуривая косяк.

– Я Алена. Алена Воробьева. А вы все – покойники.

Выдернула у Герки косяк и жадно пыхнула. Закашлялась, отбросила прочь.

– Гадость какая!

Вот именно, что гадость.

Глава 2. Змеиная свадьба и сумасшедшая бабка

Алена

“И не смей даже на улицу выходить в змеиную ночь!”

Я села на кровати, потирая глаза. Голос звучал в голове так звонко, словно это был не привычный сон, а реальность. Стало даже не по себе. Это все песни, которые я слушала. Группа «Русалки», на концерте которой я вчера – или ещё сегодня? – была, обожаю ее. У них весь репертуар такой… мистический. Про драконов, рыцарей, оборотней. Но больше всего мне нравится песня про змеиного царя: наверное, потому, что этого самого змеиного царя я видела во снах с самого детства. Да и бабушка много сказок рассказывала про Навь и Явь, про Царство подземное, про болота и тайные травы, про удивительные сады и колодец с живой водой. Это была любимая моя сказка в детстве. Бабушка рассказывала ее так живо, так красочно, что уже потом, в юности, я говорила: пиши книгу, ба. Она бестселлером станет. А бабушка только отмахивалась и смеялась.

– Лель, раз уж ты проснулась, поставь чайник, – проскрипел Пашка, переворачиваясь на другой бок и стягивая одея-

ло с меня.

– Слышь, ты не охренел? Я тебе жена, что ли? Сначала чайник поставь, потом яичницу пожарь, потом борщ свари, потом тройню роди, да?

– Ну чо ты с утра завелась, как бензопила? Сложно, что ли? Давай я поставлю.

– Вот и поставь, – я отобрала обратно одеяло, укуталась в него и закрыла глаза. – Кофе хочу. И круассан. С фисташковым кремом.

– Я тебе муж, что ли? – риторически спросил Пашка и нехотя сполз с кровати. – Ты не забыла, кстати, нам в деревню сегодня ехать.

– К сожалению, не забыла. Склерозом не страдаю пока что. Паш, может, ну его?

– Бабке девяносто стукнуло, солнце. Я ее единственный внук. Надо, Леля, надо.

– Ну надо так надо.

Он прав. Не каждый год девяносто человеку исполняется. Я вот, к примеру, не доживу. Меня кто-нибудь раньше придушит. А если и доживу, то буду сидеть на лавочке и плеваться семечками в соседей. Так веселее.

Пашка классный и терпит ядовитую меня. Притащил мне кофе в постель и бутерброды. Чёрный хлеб с маслом и колбасой. Не круассаны, но больше в холодильнике ничего нет, поэтому я милостиво приняла подношение.

А бабку он свою не любит, даже боится, поэтому попро-

сил меня с ним вместе в деревню съездить. Сказал, что такая змеища, как я, сама бабку покусает. А он в сторонке постоит и будет стаканчики для яда подставлять. Не то чтобы я прям жаждала ехать туда в мае, когда как раз нужно копать огород, уже появились комары, а туалет на улице был всегда, независимо от времени года, но не бросать же друга в беде!

То, что мы с Пашкой Вороновым сожительствуем, ещё не значит, что мы не можем быть друзьями. Мы знакомы с песочницы, в одном районе жили, в одну деревню нас на лето отправляли. Замуж за него я не собиралась, да он и не звал. Слишком хорошо мы друг друга знали. Он рвался в Москву, планировал строить карьеру. Я мечтала о маленьком домике и русской печке (вычеркнуто) жить в провинции и работать где-то на удаленке во дворе. На качелях и под кустом сирени. Если домик будет где-то в Швейцарии на берегу живописного озера – я не расстроюсь.

Но пока ни работы в Москве, ни озера в перспективе не намечалось, мы оба получали высшее образование (он – инженера-литейщика, я – учителя рисования) и снимали квартирку на двоих. А то, что спали в одной постели, так это для тонуса. Нужно же как-то самооценку поднимать.

С Пашкой было легко. Он терпел мою язвительность, готовил завтрак и мыл полы. Я стирала (у меня хватало терпения сортировать футболки по цветам) и отменно жарила картошку. Словом, типичная ячейка общества, правда, не зарегистрированная.

Боюсь, бабушкам такое не нравится. Но ехать все равно придётся.

– Паш, а Паш, а тебе кем больше нравится быть – проститутом или наркоманом? – вкрадчиво спросила я, когда с кофе было покончено.

– Ален, а давай мы скажем бабке, что просто друзья? – мгновенно уловил мой посыл Воронов.

– Думаешь, поверит?

– А чего не поверить-то, она ж не слепая. Неужели ее прекрасный и умный внук выберет себе девицу с розовыми волосами и пирсингом?

И заржал как конь.

Ну и что? Я творческая личность, имею право. У меня и носки всегда разные, конечно, не потому, что я их теряю, а исключительно ради самовыражения.

– Напомни мне, Воронов, почему у нас нет машины? – тоскливо спросила я Пашку, когда в пригородном автобусе нам не хватило мест. Мы поленились ехать до автовокзала и запрыгнули возле торгового центра. Разумеется, те, кто покупал билеты официально, спокойненько сидели. Нам же предстояло три незабываемых часа болтаться как дровам в грузовике.

– Потому что ты, моя гениальная, еще не написала свой "черный квадрат", – философски ответил парень, удерживая меня за талию на особо опасном вираже.

– Не люблю кубофутуризм, – фыркнула я. – Куда инте-

реснее авангардизм.

– Это как мишки на сосне? А, там натурализм, да? Слишком скучно для тебя.

– Это как "Танец" Матисса, только я людей не люблю рисовать.

За такими милыми беседами время пролетело незаметно. Пашке я морочила голову, никаких авангардизмом я не увлекалась. Было бы свободное место, я б достала карандаш и блокнот и с удовольствием зарисовала бы старушку с корзиной. Или вон того молодого человека с бородкой и хвостиком. Красивый, однако. Мне всегда нравились мужчины с длинными волосами. Это романтично. Но Пашка хаер отказывался растить, ему не прикольно. А кто я такая, чтобы настаивать?

От остановки автобуса до бабкиной деревни с веселым названием "Змеянка" еще километров шесть пешком. Хорошо, что бабка не моя, и рюкзак с боеприпасами тащил любимый внучек. Я ему сочувствовала, но не до такой степени, чтобы переложить в свой сыр, макароны или колбасу. Не женское это дело – мамонта таскать, тем более, чужого.

– Надо было резиновые сапоги брать, – резко остановился Пашка. – Смотри, змеиная свадьба. Ой, нет, не смотри, девкам нельзя!

– Это еще почему? – Я вытянула шею, пытаясь рассмотреть в траве клубок из змей.

– Говорят, что если незамужняя девица увидит змеиную

свадьбу, муж у нее будет… змеем.

– Паш, мы вчера вместе на концерте были. Не нужно мне песни пересказывать.

– Ну а вдруг?

– Ой, у нас каждый второй – змий. Зеленый. В смысле, прибухнуть любит. Так что вполне возможно, и сбудется пророчество. Пошли уже, пока эти ребята не решили на мне жениться прямо сейчас.

– А ты знаешь, что у змей два половых органа? – блеснул интеллектом Воронов. – Прикинь, какая у тебя брачная ночь была бы?

– А прикинь, у тебя? – фыркнула я. – Вот дадут тебе змеицу в жены, а она спросит: Павел Николаевич, а где ваш второй пенис? Как же это так вас природа обделила-с? Нет, увольте, мне неполноценный муж не нужен!

– Да я и одним могу лучше, чем некоторые двумя, – обиделся Пашка.

– Что-то я не замечала.

– Невнимательная вы женщина, Алена Дмитриевна. И черствая.

– И весьма коварная.

Замолчали оба обиженно. Я понимала, что перегнула палку, ну так и он зря считал себя Казановой. Ничего особенного вообще-то. Но с голодухи сойдет. Не больно-то ко мне в очередь женихи выстраивались, даже и наоборот.

Те, которые нравились мне, либо на меня внимания не об-

ращали, либо с ними какая-то ерунда приключалась. То ноги ломали, то под машину попадали. Одного белка бешеная покусала, другого на улице ограбили, отобрали телефон, и он до меня не добрался, третьего и вовсе в армию замели. Короче, что-то со мной было не так, раз после первого свидания все парни придумывали предлоги один нелепее другого, лишь бы второго свидания не состоялось. Остался вот один Пашка, ему оказалось все нипочем. Наверное, стоило извиниться.

Не успела.

Бабка уже махала рукой нам от калитки.

Сто лет здесь не была и еще сто лет бы не приезжала. Скука смертная эти ваши деревни. Ни интернета, ни телевизора даже. Только лес, речка и огород. Большой огород, где нужно полоть морковь и собирать смородину. Бр-р-р.

– Как же ты вырос, возмужал, ой жаних! – объявила бабка Антонина. – Красавец-та мой! Только тощщий больно, поди всякую дрянь в городе ешь?

– Угу. Пусти, ба. Я тебе колбасы привез и сыра с плесенью. С днем рождения, короче!

– Поросятам что ли? Так я уж не держу, старая стала. Ну, Нюське отдадим.

– Да не, баба Тоня, это такой сорт, – влезла я. – Попробовать вам взяли.

– А, Лелька. Твоя идея была, признайся? Этот охламон разве догадается бабушке диковинок привезти? Хорошая ты

девка, Лелька, хоть и змеищща.

– Чего это змеища? – обиделась я.

– Так вся ваша порода такая. Ну, чего встали, проходите! Руки мойте и за стол.

– Я на диете.

– Ничо, сейчас разговеешься. У меня щи нонче со сметаной. Еще добавки попросишь.

Бабка Тоня была права: добавки я просила. Дважды. А она сидела и улыбалась, глядя, с каким аппетитом мы двое уминаем ее стряпню.

– Гляжу, ты ожерелье-то бабкино носишь, – заметила старушка. – По душе оно тебе?

– Это? – я быстро убрала под футболку старинный кулон. Не любила, чтобы на него глазели. Это память о моей любимой бабушке Варваре, она мне его перед смертью на шею надела и пообещала, что он принесет счастье. Пока не принес, но какие мои годы?

– Это, это. Змеиный камень.

– Там жемчуг, ба, – поправил Пашка. – Красивый, большой, но не стоит ничего. Просто штука старинная.

Он прав. Я ювелиру свой кулон показывала, а он сказал, что серебро это да жемчужина, и ничего больше. Цепочка, на котором я ношу кулон, и то дороже стоит. Но я все равно его продавать не собиралась, поэтому покивала и обратно надела.

Да и не сказать, что особо красивое. Крупная капля белого

жемчуга, а вокруг змея обернулась. Такое… не парадное. Но и не повседневное, но я его даже на ночь не снимала обычно, хоть и знала, что с жемчугом так нельзя. Мне все казалось, что если я сниму – бабушка меня сверху видеть перестанет.

– Ничего вы, дети, не знаете, – проворчала бабка Тоня. – Вот что, Павел, пока не стемнело, наруби-ка мне дров. А ты, Лелька, помоги воды принести.

Я закатила глаза. Началось! Сегодня вода, завтра огород, потом козу доить припашут! Нет уж, переночуем и домой.

– Тебе ведь двадцать годков минуло уже? – задала глупый вопрос бабка Тоня, ведя меня к колодцу, но почему-то за околицу.

– Двадцать два уже. Осенью двадцать три будет.

– Ой, перестарок! Ну, ничо-ничо, кровь не водица, царевичу сгодится.

– Баб Тонь, а колодец-то чего? – мда, девяносто лет – это вам не в тапки гадить. Бабка-то того уже, с катушек съезжает. Но щи у нее все равно обалденные.

– Так змейка моя, в поле-то лучше. Но мне самой не дотащить, а ты молодая, резвая.

– А Пашка что, не мог воды принести?

– Он дрова колет. Отрок в жизни топор не держал, пущай учится. Да пришли уже, Аленушка. Как же ты на бабку свою похожа, ой-ей-ей!

– Что, у нее тоже розовые волосы были? – пробормотала я, скептически разглядывая старый колодец. – Блин, тут во-

обще вода есть?

– Так загляни и проверь. Я-то все равно не увижу.

Я наклонилась, перегибаясь через черный подгнивший сруб, а потом… А потом эта старая карга толкнула меня в спину, да еще под колени.

– Да ты охрене… ла, – это я уже орала в колодце, уверенная, что смерть моя пришла. Не разобьюсь, так захлебнусь. А следом летело грозное:

– Принимай, змеиный царь, драгоценную. Будет с нею жизнь, как встарь, полноценная. Возвращать пора долги ночкой темною. Надевай-ка сапоги – да с короною.

Поэтесса, млин!

Глава 3. Навь и Явь

Алена

Летела я недолго, зато очень экспрессивно. А приземлилась и вовсе эффектно. Шею не сломала, в воде не намокла и вообще оказалась хрен знает где, наверное, в аду. Или в палате психбольницы. Или я заработала инфаркт и впала в кому, а теперь у меня глюки. А может, не было никакой бабки, никакого колодца и вообще это я вчера на концерте «Русалок» что-то лишнее употребила. Поди, в пиве что-то намешали.

Потому что вокруг было странное. Небо серо-голубое, солнца нет вовсе, кругом лес какой-то разлапистый, как в учебниках биологии: гигантские хвощи и папоротники. И главное, мужики. Змеемужики, да.

Они меня и словили в какую-то сеть, но жрать сразу не стали, поставили на ноги и мордами своими змеиными уставились.

Первый совершенно в моем вкусе. С длинными волосами, выбившимися из хвоста, шикарным шнобелем и зелеными глазюками с вертикальным зрачком. Да ещё полуголый, в одной жилетке кожаной. Браслеты золотые на руках, чёрные татушки на груди и правом плече и… хвост. Охрененный такой хвост, как у удава, только чёрный.

Два других тоже ничего. Один совершенно цыганского вида, разве что зуба золотого не хватает и коня. Хвост такой… серо-коричневый. Второй – блондин и в веснушках, с серебристым, нестерпимо сверкающим достоинством. Хвостом, то бишь, а вы о чем подумали?

Цыган пыхнул мне в лицо самокруткой и обозвал меня чудовищем. Можно подумать, сами они тут писанные красавцы!

Меня все ещё трясло от страха и злости на бабку Антонину. Даже если она – плод моего воспалённого разума, как она посмела меня скинуть в колодец? Ведьма старая!

А ну отдай косячок, змей поганый, мне сейчас нужнее!

Но в самокрутке оказалась какая-то нестерпимая гадость, от которой запершило в горле и брызнули слёзы из глаз. Они меня отравить решили, что ли?

– Я – Алена Воробьева, а вы все покойники, – прохрипела, кашляя. Кажется, они не впечатлились.

– А, так вам к упырям надо? – радостно спросил чернявый с красивым носом. – Вы, барышня, районом ошиблись. Ну, мы пошли, в общем.

– Зуб, это ведь чрезвычайное происшествие, – нервно заявил блондин. – Нельзя ее отпускать. А вдруг она из Яви?

– Какая Явь, Ядик? Ты что, в сказки веришь? Посмотри на неё, чистая ж кикимора. Заклинанием ошиблась, с кем не бывает.

– Ты когда-нибудь видел кикимору с розовыми волоса-

ми? – резонно спросил цыган. – Да и пахнет от неё…

– Эй, нормально от меня пахнет! – возмутилась я. – Я утром душ принимала! Так, все, я звоню в МЧС.

Дурацкий, дурацкий бред! Хорошо, что телефон у меня в кармане джинсов, я его из рюкзака переложить успела. Ткнула пальцем в экран, нахмурилась: сети нет совсем. И что теперь делать?

– Девушка, вы чья будете? – осторожно спросил носатый.

– Своя собственная.

– Род какой? Из какого града?

– А? Из Новгорода. Это рядом, да?

– Из Великого? – как-то испуганно сглотнул блондин.

– Из Нижнего.

– А у нас тут есть Новгород? – цыган вопросительно посмотрел на друзей. – Может, у берегинь?

– А столица вашей страны какая? – обречённо пробормотал красивый брюнет.

– Москва. Странно, да?

– Она из Яви, чтоб моя чешуя лопнула. Что делать будем?

– Для начала представимся, – улыбнулся во весь рот блондин. – Раз из Яви, значит, ведьма сильная. Не с руки с ней ссориться. Госпожа ведьма, я – Ядомир Серебряный. Вот этот болван – Зубослав Полозов. А это – Геральд Кобрец. А вы, стало быть, Алена. Красивое имя, сильное.

– Охренеть, – все, что смогла выдавить из себя я. – А можно, я в обморок упаду?

– Можно, – ответил блондин. – Я вас тогда на руках понесу.

– Нельзя, – одновременно с ним произнёс тот, который Зубослав. – Придётся ножками в университет идти и там к ректору на приём.

– О, ректор! – обрадовалась я. – А он тоже наг?

– Ну разумеется, это же наш, нагов университет. Здесь все наги.

– Молодой, красивый?

– Я? Спасибо.

– Ректор.

– Ну… ему уже за триста. Насчёт молодого сомневаюсь. А красивым Громохвост Душегубович и не был никогда. Наверное.

– Громохвост…

– Да. Слышали о нем?

– Душегубович.

– Да, великий охотник на тьму, мой дед, ныне ректор Магического Гнилоболотского университета.

Я икнула. У них свой МГУ есть? Очешуеть можно.

– Ты у нас золотой мальчик, да?

– Антрацитовый.

– Ну да, ну да. Ядомир… а мы где? Я – где?

– В Гнилых болотах, точнее – в Болотограде, прекрасная ведьма Алена. В Нави, сиречь магическом подземном царстве.

Тут силы окончательно меня покинули, я села прямо на землю, уткнулась лицом в колени и заржала. Это ж надо такое выдумать! Точно, бред или кома. Иначе с чего бы мне бабушкины сказки мерещатся?

– О, у ведьмы истерика, – меланхолично заметил Зубослав и зачем-то попытался подхватить меня на руки. Нет, я в принципе не против, когда мужчины носят меня на руках, но не змеи же! А вдруг он меня кольцами придушит и сожрет?

– Руки убери! – рявкнула я. – Сама пойду!

– Вот же змея какая! – восхищённо пробормотал Ядовитый.

Цыган дипломатично промолчал.

Я шла следом за этими… пресмыкающимися и молчала. Смешно почему-то больше не было. Желтоватые листья папоротников покачивались над головой. Наги шуршали чешуей о землю. Довольно громко у них получалось. Невольно вдруг вспомнилось, что Пашка говорил про змей и их особенности строения. Кхм, интересно, у этих тоже два пениса? Как бы узнать? Спрашивать, пожалуй, не стоит. Не так поймут. И без того ядовитый блондин постоянно пытается меня приобнять, поддержать за локоть. А вот зеленоглазый Зубослав косится на меня недобро. Странно, он меня совсем не знает, я пока ещё ничего ему дурного не сделала. Интуиция, видимо, у него развита отменно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.